

Шимон Рудницкий
(Варшава, Польша)

Доктор исторических наук, почетный профессор, Институт истории, Варшавский университет

E-mail: s.rudnicki@uw.edu.pl

ID ORCID: 0000-0003-0321-7451

Заклученные № 41 и 42. Судьбы Виктора Альтера и Генрика Эрлиха в советской тюрьме¹

Аннотация: В статье о лидерах Бунда в Польше – Викторе Альтере и Генрике Эрлихе, основанной главным образом на материалах, собранных сыном Эрлиха, Виктором Эрлихом, описывается их судьба в СССР. Арестованные и приговоренные в 1941 г. к смертной казни, они были освобождены после подписания договора Сикорского – Майского. Альтер и Эрлих вели переговоры с представителями советской власти о создании еврейского антифашистского комитета; 3 декабря 1941 г. были вновь арестованы в Куйбышеве. В статье на основании документов НКВД описывается их пребывание в тюрьме и действия органов госбезопасности. Генрик Эрлих покончил жизнь самоубийством, а Виктор Альтер был казнен без приговора. Лишь после их гибели советские власти опубликовали ложную аргументацию их ареста и повторного вынесения смертного приговора.

Ключевые слова: Виктор Альтер, Генрик Эрлих, Бунд, НКВД, МИД СССР

DOI: 10.31168/2658-3364.2019.1.3.1

К написанию этой статьи меня побудила папка материалов, которые собрал Виктор Эрлих², сын Генрика Эрлиха. Это рукописные копии документов, касающихся пребывания Виктора Альтера и Генрика Эрлиха в тюрьме в Куйбышеве, а также некоторые другие документы, в том числе – почерпнутые из прессы. Более всего информации об аресте и убийстве обоих лидеров Бунда содержится в находящемся в папке «Бюллетене Внутреннего отдела Польского телеграфного агентства в Иерусалиме», озаглавленном «Они жа-

---

² Виктор Эрлих (1914–2007) – историк литературы, профессор, заведующий кафедрой русской литературы в Йельском университете, вице-президент Американской ассоциации славистики. С материнской стороны – внук историка Шимона Дубнова. – *Прим. ред.*

ждут крови», от 16 марта 1943 г.³ [Biuletyn]. Мы не знаем, кто именно был автором текста, но он был хорошо информирован об этом деле.

Документы сообщают об условиях содержания обоих арестованных в тюрьме, об их борьбе за свое достоинство, о решениях руководства НКВД и о том, как и когда погибли оба руководителя Бунда.

С содержимым папки знакомились Люциан Доброшицкий⁴ и Лукаш Гиршович⁵. Из их переписки следует, что Гиршович планировал перевод некоторых документов на английский, видимо, для их публикации в редактировавшемся им периодическом издании «Soviet Jewish Affairs»⁶. Гиршович обратил внимание на отсутствие информации о происхождении документов или об обстоятельствах, объясняющих ее отсутствие, а также на нехватку некоторых страниц документов. Вместе с тем, на отдельных документах присутствуют сигнатуры.

«Algemeiner Yidisher Arbeiter Bund in Lite, Poyln un Rusland» («Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России»), кратко называемый Бундом, – еврейская социалистическая организация, действовавшая на территории Российской империи, – возникла в 1897 г. Свою основную задачу Бунд видел в защите еврейских рабочих. В 1898 г. он вошел в состав Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), из которой вышел в 1903 г., поскольку выступал за национально-культурную автономию евреев, вопреки ассимиляционным тенденциям РСДРП [Peled 2000, 31–38]⁷. С 1915 г. существовала отдельная польская организация, которая действовала до 1948 г. Бунд поддержал Февральскую революцию 1917 г., однако

³ Документ состоит из 15 страниц машинописного текста с одинарным междустрочным интервалом. Копия в папке Виктора Эрлиха сделана с экземпляра из собрания Станислава Миколайчика [Hoover Institution].

⁴ Люциан Доброшицкий (1925–1995) – историк, узник гетто и Освенцима. Его перу принадлежит, в частности, «Каталог оккупационной прессы», «Хроника лодзинского гетто» и др. В 1970 г. эмигрировал. Работал в YIVO в Нью-Йорке.

⁵ Лукаш Гиршович (1920–1993) – историк, доцент Института истории Польской академии наук. Эмигрировал в 1969 г., преподавал в Лондонской школе экономики (London School of Economics).

⁶ См. письмо Л. Гиршовича от 28 февраля 1992 г.: «Мой дорогой реб Люциан...» (в данном случае обращение «реб» – знак уважения) [Hirszowicz 1992]. Копия рукописи находится в папке Виктора Эрлиха.

⁷ Существует не слишком много исследований по истории «Всеобщего еврейского рабочего союза – Бунд». Книга выдающегося деятеля Бунда Эммануила Новогродского основана не только на источниках, но и на его собственных воспоминаниях [Nowogródzki 2005]. Анри Минчелес, французский журналист и историк, весьма кратко излагает конфликты между Бундом и коммунистами. Аресту его руководителей он посвятил две страницы, не вносящие ничего нового в наши знания [Mincheles 1999]. Самым серьезным исследованием является книга Гертруды Пикхан [Pickhan 2001; 2017]. Некоторые отдельные проблемы рассматриваются в [Bund 2000]. Подпольная пресса Бунда освещена в [Archiwum Ringelbluma 2016]. О последних годах деятельности Бунда в Польше см. [Rusiniak-Karwat 2016].

Октябрьская революция вызвала в Бунде сомнения. В этой связи в первые годы независимости Польши начинают возникать противоречия внутри организации, которые закончились выходом из нее так называемого Комбунда, члены которого в 1923 г. официально вступили в Коммунистическую рабочую партию Польши (КРПП).

На III конгрессе Коминтерна в 1921 г. состоялась встреча делегации Бунда с представителями КРПП. Согласно сообщению Альтера, он представил различия между партиями по трем пунктам. Основным элементом несогласия было отношение к национальному вопросу. Он придерживался также точки зрения, согласно которой нельзя скрывать того, что «плохо в политике Советского Союза» (цит. по: [Nowogródzki 2005, 65]). Бунд вступил во II Интернационал, и Альтер вместе с Эрлихом представляли в его исполнительном комитете Бунда, а с июня 1930 г. выполняли те же функции во II Социалистическом Интернационале. Со временем в идеологии Бунда уменьшались коммунистические симпатии. В Польше Бунд все теснее сотрудничал с Польской социалистической партией. В 1927 г. Генрик Эрлих опубликовал статью, о которой Новогрудский написал: «Бунд впервые резко и публично выразил свой протест против российского революционного режима и ликвидации путем террора внутренних свобод в пролетарском лагере» [Там же, 121].

Для понимания позиции Бунда существенное значение имели переговоры между Бундом и Коммунистической партией Польши в 1934 г., когда под впечатлением прихода Гитлера к власти коммунисты выступили с инициативой создания антифашистского «народного фронта» демократических организаций. В переговорах со стороны Бунда принимали участие Альтер, Эрлих и Эммануэль Новогрудский. Переговоры, начатые в июне, длились несколько месяцев и в итоге были прерваны по причине выдвинутых коммунистами условий, неприемлемых для Бунда (описание переговоров см. в: [Nowogródzki 2005, 161–169]). В изданной в том же году брошюре Альтер писал о советском строе: «Это диктатура партии, редуцированная до диктатуры одной личности», имея в виду культ Сталина [Alter 1934] (цит. по: [Nowogródzki 2005, 137]). А комментируя Большой террор 1937 г., он писал о «безумии кровавых казней» [Alter 1937] (цит. по: [Nowogródzki 2005, 125]).

Вероятно, тогда российские органы безопасности начали собирать «компромат» – материалы, компрометирующие Альтера⁸.

⁸ В письме к Уолтеру Цитрину, председателю Международной федерации профсоюзов в 1928–1945 гг., Альтер 21 сентября 1941 г. писал: «В моем деле я читал показания от 1938 г. 10 человек (советских коммунистов), что они и ряд других, как Ратес, Литваков, Эстер Фрумкина и др. были агентами Бунда в Польше, получали от меня инструкции и занимались шпионажем в пользу Польши. В деле Генрика – 15 таких показаний». Копия на польском языке хранится в коллекции Станислава

Ксаверий Прушинский справедливо обращал внимание на то, что Москва рассматривала «массы еврейского пролетариата в Польше и в мире как свою собственность, свой резерв, отряды, из которых она могла ежегодно набирать себе рекрутов. Изъятие этих рекрутов считалось преступлением. А ведь именно этих еврейских рекрутов изымал Бунд, изымали Альтер и Эрлих. Если еврейский рабочий не был коммунистом, то лишь потому, что Альтер и Эрлих могли объяснить ему, что заря, восходящая на Востоке, – это не заря подлинного социализма» [Pruszyński 1943; 1990, 321]. И этого Москва не могла им простить.

Генрик Эрлих родился в 1882 г. Арестованный в 1904 г., он был исключен из Варшавского университета, где изучал юриспруденцию. В ходе революции 1905 г. в качестве члена Специального комитета Бунда в Варшаве он отвечал за организацию студенческой забастовки. Обучение он продолжал в Петербурге. В 1909 г. после нескольких месяцев, проведенных в тюрьме, он был изгнан из Царства Польского и, в конце концов, поселился в Петербурге. Он представлял Бунд в Организационном комитете РСДРП (меньшевиков). С 1913 г. был членом ЦК Бунда. На Всероссийском съезде советов он зачитал декларацию Бунда, содержащую протест против роспуска Временного правительства. В 1918 г. вернулся в Польшу, активно работал в варшавском Совете рабочих депутатов. Он также был членом городского совета. В руководстве Бунда Эрлих возглавил антикоммунистическую фракцию. Он был редактором центрального органа партии «Фолкс-Цайтунг». Вместе с Альтером представлял Бунд в Социалистическом рабочем Интернационале. В 1930-е годы он был сторонником единого фронта [Słownik 1978, 43–45].

Виктор Альтер младше Эрлиха на восемь лет, в пятнадцать лет за участие в студенческой забастовке был исключен из университета и арестован. Тогда сестры привлекли его к Бунду. В 1906 г. он уехал в Бельгию, учился в Политехническом университете в Генте, где получил диплом инженера-механика. В 1912 г. вернулся в Варшаву, где уже год разыскивался как агент ЦК Бунда, и 27 апреля 1913 г. был арестован. Жандармерия просила тогдашнего обер-полицмейстера выслать Альтера на пять лет в северные губернии под надзор полиции⁹. После нескольких месяцев тюрьмы он был сослан в Нарымский край, откуда бежал в Бельгию. После начала Февральской революции вернулся в Россию. В декабре 1917 г. Альтер был избран членом ЦК Бунда; принял участие в конференции (участников которой советские власти арестовали) рабочих депутатов в июле 1918 г. Спустя несколько месяцев заключения он был освобожден, уехал в Варшаву, где за-

---

Миколайчика [Hoover Institution]. В папке Виктора Эрлиха есть также оригинал на английском языке.

⁹ ГАРФ 102 ОО-243 1913 г. Благодарю госпожу Марту Грабовскую за поиск и находку в архиве полицейских документов об аресте Альтера в 1913 г.

нялся активной политической деятельностью¹⁰. В 1921 г. ЦК Бунда принял приглашение на III конгресс Коминтерна. Членом делегации, состоявшей из двух человек, был Альтер, которого арестовали во время конгресса. Это был уже второй его арест советскими властями. Его освободили спустя десять дней. Освобождение произошло, видимо, не столько в результате девятидневной голодовки Альтера, сколько по причине возмущения и протестов делегатов конгресса. Но уже тогда Альтер был признан врагом Советского Союза. Как мы увидим, его дальнейшая деятельность лишь усиливала это мнение.

Историк Второй мировой войны Анджей Точевский начал свою статью, посвященную делу Виктора Альтера и Генрика Эрлиха, следующей фразой: «Одним из последних белых пятен в новейшей истории Польши, все еще ожидающих своего полного прояснения, является дело об убийстве в 1941 г. в Советском Союзе двух выдающихся руководителей польского еврейства – Виктора Альтера и Генрика Эрлиха. Это убийство, наряду с тайной погибших в России польских офицеров, было событием, которое сильно волновало тогдашнее общественное мнение. Несмотря на международный резонанс, который вызвало тогда это преступление, сегодня о нем можно лишь немного найти в исторических работах, потому что политическая цензура в ПНР эффективно блокировала публикации на эту тему» [Toczewski 2010]. Автор ошибался лишь относительно даты смерти обоих деятелей. Далее он рассказывает в своей работе об атмосфере, царившей в польском посольстве в Куйбышеве, об отношении Альтера и Эрлиха к создающейся польской армии, однако, он ни на шаг не продвинулся в исследовании обстоятельств их ареста и дальнейшей судьбы.

До сих пор самой подробной работой о пребывании обоих руководителей в советской тюрьме является монография немецкой исследовательницы истории Бунда Гертруды Пикхан [Pickhan 1997]. Она представила судьбы обоих лидеров с момента их ареста советскими властями в 1939 г. Имея доступ к пяти томам дела, находящимся в архиве ФСБ, она исследовала их пребывание в тюрьме в 1939–1941 гг. Из полученных ею документов следует, что Эрлих по требованию чекистов написал обширное – на 426 страницах – исследование на тему идеологии и истории Бунда. К сожалению, до настоящего времени мы не знаем его содержания. Пикхан в работе не учитывала шестой том дела Эрлиха и Альтера, который, как она пишет, касался вторичного ареста в декабре 1941 г.; к этому тому, вероятнее всего, относятся документы, цитируемые в данной статье. В своем исследовании она также обходит стороной вопрос о причинах их повторного ареста.

Российский исследователь Евгений Беркович также писал о пяти томах дела: три из них озаглавлены «Герш-Вольф Моисеевич Ерлих», два других –

¹⁰ Детально его деятельность в стране и за границей представил Е. Минковский (J. Minkowski) в [Słownik 1978, 55–57].

«Виктор Израилевич Альтер». Все тома с пометкой «Совершенно секретно. Хранить вечно» [Беркович 2014]. Он обратил внимание на то, что чекисты давно охотились за этими людьми. В актах находится четырнадцать протоколов за период с 31 декабря 1937 г. по 19 июля 1938 г., касающихся допросов еврейских заключенных, арестованных в процессе сталинских чисток и осужденных по стандартному обвинению в антисоветской деятельности по заданию польской разведки и ЦК Бунда. Все они сознались, что к шпионажу в пользу Польши их склонили Эрлих и Альтер. Это свидетельствует об отношении к Бунду как к враждебной организации, о чем будет сказано ниже. По этому обвинению органы безопасности СССР арестовали Альтера, Эрлиха и еще девяти членов ЦК Бунда, как и многих других деятелей этой партии, сразу после того, как последние оказались на территории, оккупированной Советами.

Альтер был арестован уже 26 сентября 1939 г. в Ковеле, после чего его перевезли в Луцк, а затем, 8 декабря, – в Москву. Эрлиха же арестовали 5 октября 1939 г. По крайней мере, с этой даты отсчитывается период его лишения свободы.

Беркович описал их различное поведение во время следствия. Эрлих вступал в дискуссию со следователями, пытаясь убедить их своими аргументами. Альтер, напротив, с самого начала отказывался от каких бы то ни было дискуссий, часто не отвечал на поставленные вопросы, особенно если речь шла о знакомых ему людях. Дважды в ноябре 1939 г. он объявлял голодовку, протестуя против незаконного ареста. В упомянутом выше письме к Цитрину Альтер писал: «Обращались со мной неплохо, но я боролся и объявлял голодовки (всего я голодал и полуголодал 4 ½ месяца). 20 июля 1941 г. “суд” – “военная коллегия” присудила меня к смерти по обвинению в том, что “как член Социалистического Интернационала я в течение ряда лет вел антисоветскую деятельность и руководил нелегальной работой Бунда в Советской стране, служа польской охранке”. Через 10 дней смертный приговор мне заменили на 10 лет лагерей. А 14-го сентября меня освободили» [Hoover Institution]. Спустя четыре дня после процесса Альтера начался процесс Эрлиха.

Обоих приговорили к расстрелу по обвинению в ведении антигитлеровской пропаганды и критике пакта Молотова – Риббентропа. Казалось бы, что даже с точки зрения советских властей обвинение должно было выглядеть абсурдно спустя месяц после нападения Рейха на Советский Союз. После подписания договора Сикорского – Майского¹¹ наказание было за-

---

¹¹ Заключенный в Лондоне между премьер-министром польского правительства в эмиграции генералом Владиславом Сикорским и послом СССР в Великобритании И.М. Майским двусторонний договор о восстановлении дипломатических отношений между двумя странами, подписанный 30.07.1941 г. Договор предусматривал амнистию всем польским гражданам, содержащимся в заключении или ссылке на советской территории, что привело к освобождению более 400 тысяч польских

менено на 10 лет заключения, а обвинения, сформулированные в смертном приговоре, были сохранены¹². Несмотря на то, что Альтера и Эрлиха приговорили на основании идентичного обвинения, процедура изменения приговора была иной. Пикхан не находит этому логичного объяснения [Pikchan 2001, 165], а Беркович видит причину в месте, где был вынесен приговор: Альтеру в Москве, а Эрлиху – в Саратове. На основании указа Верховного Совета от 22 июня 1941 г. Москва входила в территорию, на которой было объявлено военное положение, а Саратов – нет. Приговор Альтеру опротестовал сам Василий Ульрих – председатель Военной коллегии Верховного суда СССР, который председательствовал в судах над высокопоставленными советскими командирами и многими другими, как правило, завершавшихся смертными приговорами. Он не мог самостоятельно принять такого решения. Стоял ли за этим Сталин или Лаврентий Берия – мы не можем сказать, но судя по дальнейшему развитию событий – скорее Берия.

Изменение приговора стало частью игры, которую вели руководители органов безопасности с лидерами Бунда. Очередным шагом было освобождение Эрлиха 12 сентября, а Альтера – днем позже. Из письма Эрлиха Верховному Совету СССР от 27 декабря 1941 г. мы узнаем, что Альтер и Эрлих, еще за год до этого, будучи в тюрьме, предложили создать Еврейский антифашистский комитет. Они подготовили четкие нормативные положения и принципы работы Комитета. Эти предложения были одобрены в беседах с ответственными сотрудниками НКВД, включая Народного комиссара, то есть Берия. Одному из работников НКВД было даже поручено подыскать помещение для Комитета.

Предложение заключалось в организации ими Международного еврейского антифашистского комитета. Председателем комитета должен был стать Эрлих, а секретарем – Альтер, в свою очередь заместителем Эрлиха – Соломон Михоэлс¹³. Для организации помощи СССР за границей Эрлих должен был лететь в Лондон, а Альтер – в США. Это происходило в момент угрозы захвата Москвы немцами. Забегая вперед: после нового ареста обоих руководителей Бунда Михоэлс 15 декабря 1941 г. занял пост председателя

граждан. Другим результатом этого договора стало формирование Армии Андерса. 25.04.1943 г. СССР вновь расторг дипломатические отношения с польским правительством в Лондоне. – *Прим. ред.*

¹² Пересмотр приговора Генрику Эрлиху от 22.08.1941 г. «Однако, не усматривая необходимости в применении к осужденному Эрлиху Гершу высшей меры уголовного наказания, на основании 437 ст. УПК СССР, заменить расстрел лишением свободы в ИТЛ на десять лет, а остальную часть приговора, касающуюся всего его личного имущества, оставить в силе за его активную подрывную деятельность против СССР и сотрудничество с агентами польской дефензивы, совместно с которыми он во время своего пребывания в Польше перебрасывал на территорию СССР агентов для борьбы с советской властью».

¹³ Михоэлс Соломон Михайлович (1890–1948) – выдающийся актер театра и кино, режиссер. С 1929 г. руководил Еврейским театром в Москве.

комитета, а 12 января 1948 г. был убит по приказу Сталина. В последующие месяцы были арестованы остальные члены Антифашистского комитета и после громкого процесса, который начался 8 мая 1952 г., расстреляны. К делу Комитета мы еще вернемся.

Когда на основании договора Сикорского – Майского было создано польское посольство, Альтер и Эрлих начали с ним сотрудничать. В связи с угрозой захвата немцами Москвы все дипломатические представительства вместе с персоналом были эвакуированы в Куйбышев. Альтер и Эрлих оказались там же.

Встретившийся там с ними Ксаверий Прушинский описывал Альтера и Эрлиха так: «Виктор Альтер был человеком живого, подвижного темперамента. Скорее человеком борьбы, чем рефлексии, спора, чем размышления, движения, чем созерцания. Даже память не ослабла в тюрьме». Об Эрлихе в свою очередь он писал, противопоставляя его Альтеру: «Он был более спокойным. Более задумчивым. <...> Выражение лица Эрлиха было преисполнено спокойным пессимизмом» [Pruszyński 1943, 317–319].

Вместе с тем, Прушинский отмечает, что сразу после ареста в посольстве и вне его, в польской среде, не без подстрекательства НКВД, против них начали плести интриги и пробуждать недоверие.

В Куйбышеве Альтер и Эрлих остановились в «Гранд-Отеле». Они занимались, в частности, поиском деятелей Бунда, которые могли оказаться на территории СССР. Они также поддерживали контакты с находящимися в Куйбышеве зарубежными корреспондентами. Как утверждал майор НКВД Георгий Жуков¹⁴, Альтер и Эрлих вели переговоры с американским и английским представительствами по вопросу выезда в Америку¹⁵. Фактически в беседах, проводившихся с советскими властями, их выезд предусматривался. Мало того, вопрос о выезде Эрлиха уже был решен, поскольку он стал членом Национального совета Польской Республики, действующего в Лондоне.

Альтер писал в цитированном письме к Цитрину: «А сейчас – самое главное. В течение двух лет я изучал СССР через тюремные решетки. Я клялся себе, что если выйду на свободу, я сделаю все, чтобы ускорить конец этого ужасного кошмара, который душит Советский Союз. И я хочу Вашей помощи в этом». Далее он пишет, что следует требовать от советского правительства политической амнистии. Он предупреждает, что открыто ему можно писать только по дипломатической почте. Сын Эрлиха полагает, что причиной ареста обоих лидеров Бунда могло быть это письмо. Не исключено,

¹⁴ Георгий Сергеевич Жуков – майор НКВД, начальник 4 Отдела 2 Управления НКВД СССР, с сентября 1941 г. – связной с командованием Польской армии.

¹⁵ Записка Жукова от февраля 1943 г. Вероятно, эта записка подготовлена как материал для публичного сообщения Максима Литвинова от 23 февраля 1943 г. об исполнении в отношении их смертного приговора.

что оно могло попасть в руки НКВД, хотя доказательств тому нет. Однако с большой долей вероятности можно предположить, что судьба обоих деятелей и без того была предрешена. У властей не могло быть никаких иллюзий относительно мнения обоих деятелей о советском строе. Бундовцы пошли на сотрудничество, поскольку, несмотря на неодобрение советской системы, самой большой угрозой считали гитлеровскую. Советские власти вели переговоры, чтобы улучшить свой имидж в демократическом мире после позорного пакта с нацистами, и, кроме того, немецкие войска стояли под Москвой, так что любая помощь была на вес золота.

Арест был совершен вероломно. 3 декабря, после переговоров об Антифашистском комитете с Михоэлсом и Шахно Эпштейном, московским корреспондентом нью-йоркской коммунистической газеты «Фрайхайт», Альтер и Эрлих спустились в ресторан «Гранд-Отеля», где сели рядом со Станиславом Натансоном¹⁶ и Люцианом Блитом¹⁷. Через полчаса после полуночи к сидящим в ресторане подошла сотрудница «Интуриста» и пригласила Альтера к телефону. Вскоре Альтер вернулся и сообщил Эрлиху: «Генрик, нас вызывают», сказал, что им следует немедленно куда-то поехать. Им сообщили, что прибыл представитель МИДа, принимающий участие в переговорах о создании Антифашистского комитета. В этом не было ничего необычного. Важные официальные переговоры в СССР часто происходили ночью. Телефонный звонок также не был для них неожиданностью, тем более что ранее они уже обратились к начальнику НКВД в Куйбышеве, заявив, что вместе со всем посольством Польши эвакуировались из Москвы. Альтер и Эрлих сообщили ему, что до этого времени в течение нескольких недель вели переговоры «с рядом руководящих сотрудников НКВД по весьма важному вопросу»¹⁸. «Из-за условий эвакуации, – писали они, – мы были, к сожалению, лишены возможности связаться и договориться с этими лицами о дальнейшем продолжении переговоров»¹⁹. Из письма Эрлиха от 25 декабря мы узнаем, что после задержания им обещали прояснить ситуацию в течение одного или двух дней. Жуков, следивший от НКВД за польским посольством и созданием польского войска, так описал арест: «Альтер и Эрлих

¹⁶ Станислав Натансон (1913–1985) — математик, после пакта Сикорского – Майского был выпущен из Гулага.

¹⁷ Люциан Блит (1904–1978) – секретарь Центрального Комитета «Цукунфта» («Будущее»), молодежной организации Бунда; арестован, освобожден из Гулага после пакта Сикорского – Майского. После войны жил в Лондоне. Корреспондент социалистических газет, в частности газеты «Robotnik» («Рабочий»). Автор нескольких книг, из которых в Польше наиболее известна «The Eastender Pretender. The story of Bolesław Piasecki».

¹⁸ Переговоры касались создания Международного еврейского антифашистского комитета.

¹⁹ В письме Альтера и Эрлиха от 21.10.1941 г. были названы следующие лица: комиссар Комитета государственной безопасности П.Ф. Федотов, ст. майор КГБ Л.Ф. Рейхман, майор КГБ Г.С. Жуков, капитан КГБ В.А. Волковыский.

были тайно вызваны в НКВД в Куйбышеве якобы для продолжения переговоров об организации антифашистского еврейского комитета, которые по инициативе Эрлиха и Альтера в то время проводили органы НКВД. О том, что такие переговоры с ними проводятся, Эрлих и Альтер уведомили польское посольство». Арест был произведен по личному распоряжению Берии, который оговорил условия их пребывания в тюрьме. Неизвестно, когда было принято решение об аресте, но письмо об условиях содержания в тюрьме датировано 1 декабря²⁰. Делом арестованных все время занимались высокие функционеры НКВД, информируя о его ходе Берию и его заместителя Всеволода Меркулова. По крайней мере, одно решение, как мы увидим, принял лично Сталин.

Через 13 часов посольство Польской Республики обратилось с запросом в советский МИД, поскольку Эрлих и Альтер не вернулись в гостиницу. С этого момента началась серия безуспешных попыток вмешательства польских властей, требующих освобождения Альтера и Эрлиха. Поскольку арест произошел во время визита Сикорского в СССР, посольство просило освободить их до его отъезда. 5 декабря в три часа дня представитель польского посольства был вызван в Министерство иностранных дел, его официально проинформировали об аресте обоих политиков. 6 декабря посла Станислава Кота принял Андрей Вышинский, заместитель народного комиссара иностранных дел. Он проинформировал Кота, что Альтер и Эрлих были арестованы НКВД как советские граждане. Как таковые они были амнистированы неправильно, он дал понять, что НКВД считает, что арестованные связаны с Германией. Между тем при признании Эрлиха и Альтера советскими гражданами игнорировался тот факт, что из тюрьмы они были освобождены как польские граждане²¹. «Наглый цинизм этой аргументации не нуждается в комментариях. Добавлю лишь, – писал Виктор Эрлих, – что в апреле 1943 г., то есть уже после советского сообщения о казни Альтера и самоубийстве Эрлиха, “Интурист” обратился к польскому посольству в Куйбышеве за погашением счета на сумму 2577 рублей из гостиницы “Метрополь” в Москве за период от 13.09. до 19.10.1941 г., который Эрлих и Альтер не оплатили. Польское посольство оплатило счет названных польских граждан, которые

²⁰ Зам. нач. 2 управления НКВД СССР ст. майор госбезопасности Рейхман начальнику 1 спецотдела НКВД СССР ст. майору госбезопасности тов. Баштакову 05.12.1941 г.: «По распоряжению Народного Комиссара Внутренних Дел СССР тов. Берия поместите в одиночные камеры Внутренней тюрьмы НКВД ..... , изолировав их друг от друга и других арестованных. Арестованных содержать под номерами ..... На арестованных никаких анкет и опросных листов не заполнять и обыска не производить. В камерах арестованных обеспечить постельным бельем» (пропуски в тексте соответствуют оригиналу).

²¹ Сами арестованные на вопрос о национальности в процессе следствия отвечали: «еврей, польский гражданин». Эрлих писал так почти в каждом письме, адресованном властям.

в апреле 1943 года уже не могли покрыть свои долги лично» [Gross 1987; Hoover Institution]²².

Соглашаясь с Виктором Эрлихом, следует добавить, что не было никаких оснований считать их советскими гражданами. Таковыми, часто без их желания, признавали жителей территорий, включенных в СССР. Ни Альтер, ни Эрлих таковыми, даже согласно советским законам, не были. Они были беглецами из зоны немецкой оккупации, в российской номенклатуре – беженцами. Таких людей в первую очередь коснулись аресты и депортации. Польские власти, конечно, не поверили в эти абсурдные обвинения. На обращение еврейских организаций Америки посол сообщил о безуспешности всех усилий. 8 декабря, после очередной беседы с Вышинским, Кот вручил специальную ноту [Biuletyn, 8–9].

11 декабря одному из сотрудников посольства позвонили из НКВД с предписанием приготовить для арестованных передачу с одеждой и ждать дальнейших инструкций. В передачу с одеждой добавили две пачки с продуктами, папиросы и книги. 12 декабря сотрудника посольства вызвали к зданию НКВД, где на улице служащий проверил содержимое передачи и подписал квитанцию о получении. Он отказался принять передачи с продуктами²³. Как прокомментировал содержимое передач автор текста, «заботливые руки знатоков тюрем, а их было тогда в посольстве много, работали над составлением этих пачек» [Biuletyn, 9].

16 декабря представителей Бунда, живших нелегально, в съемных помещениях в Куйбышеве, проинформировали, что в этот день Кот вновь беседовал с Вышинским и просил о разрешении встретиться с арестованными для представителя посольства [Biuletyn, 9]²⁴. С 28 января 1942 г., когда в польское посольство был отправлен паспорт Эрлиха, Советы отказывали польским властям в праве вмешиваться в защиту обоих заключенных.

В тюрьме Альтер и Эрлих поначалу оказывали активное сопротивление при помощи средств, которые были у них в распоряжении: объявляя голодовки, направляя письма и жалобы в органы власти различных уровней. Уже 13 декабря Альтер пишет письмо Берии, в котором он жалуется на отсутствие информации о причинах его задержания, упоминает переговоры о

²² Письмо В. Эрлиха было опубликовано в Польше в нелегальном подпольном издании «Критика» [Gross 1987]. В папке Виктора Эрлиха содержится копия письма, как и копия подтверждения оплаты счета из архива Миколайчика.

²³ В квитанции значилось: «12 XII 1941 г. Список предметов личного пользования, переданных для Эрлиха Гирша, сына Моисея: 1/ ботинки, 2/ майки, 3/ рубашка, 4/ воротнички, 5/ полотенца, 6/ 2 пары кальсон, 7/ свитер, 8/ 2 пары носок, 9/ 2 носовых платка, 10/ кусок мыла, 11/ зубная щетка, 12/ 2 коробка спичек, 13/ пачка папирос, 14/ 5 сигарет, 16/ 2 учебника английского языка». Подобный набор с незначительными изменениями был передан для Альтера. Вместо учебника английского языка добавлен учебник физики [Biuletyn, 9].

²⁴ К сожалению, в папке отсутствует с. 10.

создании Антифашистского комитета, в частности, о готовности Еврейского рабочего комитета США прийти на помощь беженцам из Польши. Он указывал, что по причине ареста эта инициатива может не осуществиться. «Поэтому и по многим другим соображениям прошу Вас распорядиться, дабы вопрос нашего ареста был окончательно выяснен в течение ближайших дней. <...> А каждый лишний день ареста приносит несомненный вред». Эрлих тоже 25 декабря пожаловался начальнику тюрьмы на то, что сидит уже четвертую неделю, а ему даже не сообщили, за что его арестовали и по чьему приказу. Младший лейтенант М.М. Захаров сообщил ему, что тоже этого не знает, что могло соответствовать правде. Эрлиху отказали и в предоставлении бумаги, чтобы он мог написать жалобу в Президиум Верховного совета СССР, в связи с чем он начал голодовку.

Об условиях, в которых они находились в первые дни после задержания, можно узнать из письма от того же дня заместителю начальника 4 отдела 2 управления НКВД В.Н. Кондратику, в котором Эрлих писал: «Я стал просить о вызове 6-го, 7-го, 8-го, 9-го. Без результата. Полу-арест тем временем превратился в полный арест и притом обостренный: одиночка, без книг, без курева (хотя деньги на курево у меня есть), без каких бы то ни было вещей, даже самых необходимых – мыла, полотенца, зубной щетки, расчески, сменны белья. Со вчерашнего дня меня лишили и той улучшенной пищи, которой я пользовался в первые дни». Далее он писал: «В чем бы Вы меня формально ни обвиняли, я знаю твердо одно <...>[:] я и Альтер страстно желаем включиться действенным образом в борьбу против гитлеризма <...> Но если следствие думает иначе, то – к чему излишнее, сверхпрограммное мучение?» Он просил о следующем: 1. переводе из одиночной камеры в общую; 2. разрешении пользоваться тюремной библиотекой; 3. разрешении получать из тюремной лавки папиросы и др. продукты; 4. разрешении получить хотя бы часть вещей, оставленных в «Гранд-Отеле»; 5. переводе на его счет денег, находящихся в чемодане; 6. вызове для предоставления постановления об аресте и объяснения его причины. Из этих требований удовлетворена была лишь одна просьба – о книгах, да и то в ограниченном виде.

Ему, видимо, предоставили бумагу, поскольку 27 декабря Эрлих написал обширную жалобу в Президиум Верховного совета СССР. В ней он обращал внимание на то, что при освобождении обоих деятелей проинформировали, что оно состоялось не только на основе польско-советского договора от 17 августа 1941 г., но и потому, что по отношению к ним произошла ошибка, и было предложено обсудить, каким образом они могут включиться в борьбу с гитлеризмом. Затем Эрлих описал свою и Альтера деятельность во время краткого пребывания на свободе, утверждая: «...то, что делается по отношению ко мне и к моему товарищу, по-моему[,] – явно незаконно». Задержание на 3 с половиной недели без предъявления обвинения очевидно противоречит Конституции. Как польский гражданин он также просил о встрече с представителем польского посольства. На первый взгляд протест

кажется наивным. Эрлих уже давно не должен был иметь иллюзий относительно советского правосудия. Возможно, он надеялся, что кто-то вне кругов НКВД заинтересуется вопросом ареста, указывая на его различные негативные последствия. В любом случае письмо представляло собой достойную манифестацию позиции заключенного.

Преследования закончились тем, что 14 мая 1942 г. он покончил жизнь самоубийством, повесившись на оконной решетке. Реакцией руководства НКВД было наказание начальнику внутренней тюрьмы Сардаеву «за небеспечение наблюдения за арестованным» (его посадили в тюрьму на десять суток), а оперуполномоченного тюрьмы Гребенникова арестовали на пять. О деле доложили заместителю Берии Меркулову. В свою очередь Меркулов информировал об этом Андрея Вышинского.

Об особом отношении к обоим заключенным как к своего рода «людям в железных масках» свидетельствуют дальнейшие события, произошедшие после самоубийства Эрлиха. На следующий день прокурору округа Мишутину сообщили, что смерть Эрлиха наступила 14 мая в 20 часов. Однако на этот раз он не мог выполнить свою обязанность по предоставлению акта о смерти, и потому пожаловался прокурору СССР Бочкову²⁵: на вопрос заместительницы Мишутина Буториной к и.о. начальника тюрьмы тов. Бовченкову, о том, что в акте о смерти не указана фамилия заключенного, тот заявил, что не может назвать фамилию, поскольку она ему неизвестна, а в данных тюрьмы этот арестант фигурировал как «заключенный № 42». В тюрьме не оказалось и его личного дела, поскольку он был заключенным НКВД СССР. Более того, в ответ на заявление Мишутина, что тот обратится к заместителю начальника 2 Отдела НКВД Бутенко, начальник тюрьмы сказал: «Будет лучше, если вы не будете об этом писать». И был прав, поскольку Бутенко без каких-либо объяснений отказался сообщить фамилию. Подобный результат имело также письмо Бовченкова Меркулову. Заявление Бовченкова правдоподобно и свидетельствует о полной изоляции и сокрытии личности заключенных даже перед начальником тюрьмы. Однако такое положение не было необычным. В Советском Союзе существовали целые лагеря, в которых у заключенных «не было фамилий», а использовались лишь номера.

Независимо от Эрлиха, Альтер в своем письме от 3 января 1942 г. начальнику НКВД в Куйбышеве Леониду Райхману²⁶ также спрашивает о причинах ареста. Он ссылается на советский закон, согласно которому обви-

²⁵ Бочков Виктор Михайлович (1900–1981) – в 1930-е годы начальник Главного тюремного управления и начальник 4 (Особого) Отдела НКВД, в 1940–1943 гг. – прокурор СССР.

²⁶ Райхман Леонид Федорович (1908–1990) – в органах безопасности с 1930 г., майор госбезопасности 3 ранга. В 1941–1951 гг. заместитель начальника 2 Отдела НКВД (контрразведка). Арестован в 1951 г., после смерти Сталина освобожден. Повторно арестован в связи с делом Берии 21 августа 1953 г., амнистирован в 1956 г.

нение должно быть предъявлено не позднее двух недель с момента ареста. Кроме того Альтер писал о тех негативных последствиях для создания Антифашистского комитета, которые влечет за собой арест, и просил о встрече. В очередной раз он отправил жалобу Райхману 20 апреля 1942 г., со времени ареста прошло пять месяцев, но ему до сих пор не предъявлено никакого обвинения и даже не начато следствие. Ссылаясь на амнистию для польских граждан, он писал: «Юридически пока арест лишен основания даже с точки зрения советских законов, а подавно и с точки зрения международного права, которым мы вправе пользоваться как граждане страны, поддерживающей дружеские отношения с СССР. Политически наш арест никоим образом не может принести никакой пользы СССР. Он не может быть рассматриваем как мера пресечения “вредной” деятельности, ибо мы на территории СССР такой деятельности не вели, если не считать те немногие шаги, которые мы предприняли после предварительного обсуждения и согласования с руководством НКВД антигитлеровской кампании». Он просил предоставить возможность связаться с польским посольством²⁷. В конце письма содержится неприкрытый намек на возможность самоубийства: «Прошу учесть, что я отсидел уже 2 и 1/2 года тюрьмы (от начала войны). Я сильно устал. Как вам известно, “ужасный конец лучше ужаса без конца”». Спустя месяц он жалуется на «день принудительной голодовки», когда ему не давали еды, что имело место уже 12 раз за время его пребывания в тюрьме. Он жалуется на трудности в получении книг и отсутствие ответа на вопрос о своих научных открытиях, к чему мы еще вернемся.

Исполняющий обязанности коменданта тюрьмы Бовченков объяснил 2 Отделу НКВД отсутствие обеда у заключенного тем, что руководитель хозяйственного отдела выехал в подсобное хозяйство. Сам Кондратик боялся принять какое-либо решение. Неизвестна реакция властей на это невнятное объяснение. В очередном письме Кондратика, адресованном Жукову, содержится вопрос о том, что следует ответить на жалобу Альтера.

Поскольку письма не приносили результата, в июле Альтер, «считая дальнейшее существование бессмысленным», попросил у фельдшера цианистый калий. Реакцией тюремных властей было усиление надзора, надзирателям было поручено изъять у заключенного пишущие перья, пряжку для ремня и т.п., а вместо пера дать ему карандаш. Об угрозе самоубийства 22 июля сообщили Берии, который распорядился усилить наблюдение за заключенным и улучшить условия содержания. 23 июля майор Бутенко, зам. начальника 2 Отдела НКВД, передал майору Блинову²⁸, начальнику НКВД Куйбы-

²⁷ Альтер не мог знать, что советские власти приняли решение о ликвидации посольства. Уже летом 1942 г. были ликвидированы представительства, а персонал арестован. Официально закрытие посольства произошло 25 апреля 1943 г.

²⁸ Афанасий Сергеевич Блинов (1904–1961) – в органах безопасности с 1929 г., с 1939 г. начальник НКВД Ивановской и Куйбышевской области.

шевской области, распоряжение Берии об усилении питания, увеличении времени прогулок, обеспечении постельным бельем, а особенно о выдаче дополнительного одеяла и предоставлении книг для чтения и бумаги. 25 ноября Жуков вновь предписывает «улучшение условий», но также и ведение усиленного наблюдения и «принятие всех мер к тому, чтобы он не мог закончить жизнь самоубийством». Из этой записки мы также узнаем, что заместитель Жукова Тишков встретился с Альтером, результаты их беседы были сообщены Берии и Меркулову. К сожалению, содержание ее нам неизвестно.

Как следует из рапорта Тишкова Федотову, начальнику 2 Отдела НКВД²⁹, от 14 декабря 1942 г., заключенный № 41 отказался от прогулки. В ходе беседы «сорок первый ответил, что это первый шаг к протесту против содержания его свыше года в тюрьме без предъявления обвинения и что если через две недели он не получит ответа, за что его арестовали, он предпримет более резкие меры. Попытки убедить его в нецелесообразности таких мер, успеха не имели». Одновременно Альтер вновь обратился с просьбой о встрече с представителем польского посольства. Это свидетельствует о том, как прочно он был изолирован от мира. Можно с уверенностью сказать, что он не знал и о судьбе Эрлиха, хотя удивляет, что ни в одном письме об Эрлихе он не упоминает.

Отдельным сюжетом переписки Альтера с властями были его научные открытия. В письме к Цитрину он впервые упоминает, что в тюрьме в Москве он сделал несколько открытий из области физики и написал целую книгу для Академии наук СССР. Он также подготовил материалы для «экономико-политической книги». 11 апреля 1942 г. Кондратик направил своему начальнику письмо Альтера на имя Сталина с рефератом для Академии наук СССР, в котором изложены были открытия Альтера. В середине месяца реферат Альтера был послан в Академию наук СССР. Уже в июле 1942 г. власти получили ответ специалистов: «Результаты проверки научных работ Альтера резко отрицательны». Но в НКВД сочли, что информировать об этом Альтера нецелесообразно. По-прежнему между отделами НКВД курсируют письма по поводу научных работ Альтера. Одно из них свидетельствует о тематике его работы: «Некоторые проблемы унитарной физики». В письме из центральной тюрьмы от 28 августа 1942 г., адресованном Бутенко, начальнику 2 управления НКВД СССР, указано, что работа насчитывала 38 полулистов. Неизвестно, была ли это та же самая работа, которая под несколько измененным названием («Достижения Унитарной физики») была вновь послана 17 ноября в Академию, или какая-то другая. Еще 12 ян-

²⁹ Петр Васильевич Федотов (1901–1963) – в ЧК с 1921 г. С 1939 г. – начальник 2 секретно-политического и 3 отделов контрразведки НКВД. После войны занимал высокие должности, в том числе – заместителя министра государственной безопасности СССР.

варя 1943 г. Альтер писал об обещании получить ответ, касающийся значения этой работы. Он не знал, что она была сочтена «не заслуживающей внимания». В любом случае в январе он не получил обещанного ответа. Не исключено, что где-то в архивах АН Российской Федерации находятся эти и другие исследования Альтера, о которых он упоминает в письме, а в недрах архивов ФСБ – его материалы к «экономико-политической» книге, и когда-нибудь мы узнаем истинную ценность его трудов.

Если в датировке письма нет ошибки, то формально приговор Альтеру и Эрлиху был вынесен уже 23 декабря 1941 г. в Москве на закрытом заседании Военной коллегии Верховного суда СССР, на котором председательствовал Василий Ульрих, одна из ключевых фигур в проведении сталинских репрессий³⁰. В приговоре подтверждается, в частности, что заключенные были освобождены из тюрьмы 12 сентября 1941 г. как польские граждане. Они вновь обвиняются в том, что после освобождения «не только не прекратили свою враждебную деятельность, но напротив, в период самых напряженных боев советской армии с наступающими гитлеровскими войсками, они вновь стали совместно вести враждебную деятельность по отношению к СССР. Предварительное и судебное следствие установило, что в период октябрь-ноября они систематически проводили предательскую деятельность, выражающуюся в призывах к армии прекратить кровопролитие и немедленно заключить мирный договор с фашистской Германией, т.е. совершили преступление (измена Родине), предусмотренное статьей 58 п. 1а»³¹.

12 января 1943 г. Альтер написал жалобу на имя министра внутренних дел о том, что, хотя уже прошло более 13 месяцев от его нового ареста, он не получил никакого ответа на свои многочисленные вопросы о его законных основаниях. Он потребовал в течение нескольких дней ответа на два вопроса: за что он был арестован, почему его содержат в полной изоляции, в то время как ему не предъявлено никакого обвинения и не ведется следствие. При этом – как гражданин Польши – он ссылаясь на закон об амнистии. Далее он спрашивал, что предполагается сделать с его научными трудами. Ответом на эти вопросы было убийство их автора.

На основании ст. 319–320 УПК СССР Военная Коллегия Верховного Суда СССР постановила подвергнуть Эрлиха и Альтера «высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества». Этот приговор был окончательный и обжалованию не подлежал. Под текстом находится резолюция Молотова, датированная 14 февраля 1943 г.:

³⁰ «Я полагаю, что не было никакой Военной коллегии Верховного суда, ни подписей, а лишь согласие Сталина с текстом, предложенным Берией или Меркуловым» (из письма Гиршовича Доброшицкому [Hirszowicz 1992]).

³¹ Ст. 58 п. 1а – измена родине. Расстрел с конфискацией имущества, или 10 лет с конфискацией имущества. Он был расстрелян как советский гражданин, каковым никогда не был. По этой статье в 1921–1953 гг. было осуждено, по официальным данным, 3 777 380 человек, из которых 642 980 человек расстреляно.

«Тов. Сталин одобрил этот текст». Как видно, факт самоубийства Эрлиха был скрыт.

17 февраля 1943 г. был составлен акт о расстреле Альтера: «Мы, нижеподписавшиеся, Начальник Внутренней тюрьмы Управления НКВД, лейтенант государственной безопасности Харковец и начальник 1-го спец. отдела Управления НКВД по Куйбышевской области, капитан государственной безопасности Тимофеев, во исполнение устного личного распоряжения Начальника Управления НКВД по Куйбышевской области, Комиссара государственной безопасности 3-го ранга тов. Огольцова³² в 0.2 часа³³ 17 февраля 1943 года расстреляли содержавшегося во внутренней тюрьме УНКВД заключенного под № 41, о чем и составили настоящий акт». В тот же день Огольцов докладывал Меркулову: «...ваше приказание о расстреле арестованного № 41 выполнено 17 февраля, о чем составлен акт». Далее он докладывал, что «все документы и записи, относящиеся к арестованному № 41 мною из внутренней тюрьмы и спецотделения изъяты. Вещи сожжены».

Арест выдающихся лидеров Бунда вызвал множество протестов. Социалистический Интернационал опубликовал в апреле 1943 г. отдельную брошюру, включившую эти протесты [The Case]. В ней, в частности, содержался призыв к Молотову как министру иностранных дел от 27 января 1943 г. к справедливому и гуманному отношению к «этим смелым борцам против фашизма и нацизма». Письмо среди прочих подписал А. Эйнштейн. В ответ Максим Литвинов, бывший тогда послом в США, переслал Федеральному агентству печати США письмо Молотова от 23 февраля 1943 г., в котором повторялось обвинение Альтера и Эрлиха в призывах к заключению немедленного мирного договора с Германией, за что они были приговорены в 1942 г. Военной коллегией Верховного суда, и приговор был приведен в исполнение. Разумеется, факт самоубийства Эрлиха был скрыт.

Это было первое официальное сообщение о судьбе Альтера и Эрлиха с декабря 1941 г. Само обвинение в «Бюллетене» Польского телеграфного агентства (ПТА) сравнили с делами Дрейфуса и Бейлиса [Biuletyn, 1].

Комментируя приговор, «Бюллетень» ПТА писал: «Весть об убийстве Эрлиха и Альтера пришла в тяжелейший момент. Масштаб и число преступлений сделали мировое общественное мнение бесчувственным. Овеянная славой Советская Россия считает, что завоевала себе право на безнаказанность. Любой упрек она может парировать утверждением, что только она сумела сдержать гитлеровский натиск» [Biuletyn, 13].

³² Сергей Иванович Огольцов (1900–1976) служил в органах безопасности с 1918 г. В 1939–1945 гг. – во главе НКВД Ленинграда, Куйбышевской области и Казахской Республики. В 1945–1953 гг. – зам. министра госбезопасности СССР. 3 апреля 1953 г. был арестован за руководство организацией убийства Михоэлса.

³³ Так в тексте. Возможно, это означает, что Альтера расстреляли через 20 минут после полуночи.

Как писал Виктор Эрлих в уже цитированном тексте, «дело об аресте и смерти Эрлиха и Альтера было *causa célèbre* общественного мнения на Западе еще во время войны»... Оно было и «причиной глубочайшего кризиса вплоть до открытия катынских могил весной того же года». Катынское дело, которое вызвало несравненно больший резонанс, чем дело Альтера и Эрлиха, было быстро «замечено под ковер». Тем легче оказалось замолчать убийство двух ведущих деятелей рабочего движения. Ситуация на фронтах и союз со Сталиным обусловили тот факт, что союзники старались утихомирить протесты. Им это удалось в случае обоих преступлений, которые в течение многих лет были скрыты за завесой молчания.

Источники

- Alter 1934 – *Alter W.* Gdy socjaliści dojdą do władzy. Warszawa, 1934.
 Alter 1937 – *Alter W.* Po dwudziestu latach // *Folks-cajtung*. XI. 1937.
 Archiwum Ringelbluma 2016 – Archiwum Ringelbluma. T. 16: Prasa getta warszawskiego: Bund i Cukunft. Warszawa, 2016.
 Biuletyn – Biuletyn Wewnętrzny Oddziału Polskiej Agencji Telegraficznej w Jeruzolimie. 16.03.1943.
 Hirszowicz 1992 – *Hirszowicz L.* NKVD Documents Shed New Light on Fate of Erlich and Alter // *East European Jewish Affairs*. 1992. № 22 (2). P. 65–85.
 Hoover Institution – Hoover Institution, Polish Government Collection, box № 132.
 The Case – The Case of Henryk Erlich and Wiktor Alter / Foreword by C. Huysmans. London, 1943.

Литература / References

- Bund 2000 – Bund. 100 lat historii 1897–1997 / Pod red. F. Tycha i J. Hensla. Warszawa, 2000.
 Gross 1987 – *Gross J.T.* List Viktora Erlicha // *Krytyka*. 1987. № 48.
 Minczeles 1999 – *Minczeles H.* Histoire generale du BUND, un mouvement révolutionnaire juif. Paris, 1999.
 Nowogródzki 2005 – *Nowogródzki E.* Żydowska Partia Robotnicza BUND w Polsce 1915–1939 / Tłum. z angielskiego P. Sawicka. Warszawa, 2005.
 Peled 2000 – *Peled Y.* Koncepcja autonomii narodowo-kulturalnej // Bund. 100 lat historii 1897–1997 / Pod red. F. Tycha i J. Hensla. Warszawa, 2000.
 Pickhan 1997 – *Pickhan G.* That Incredible History of the Polish Bund Written in a Soviet Prison: The NKVD Files on Henryk Erlich and Wiktor Alter // *Polin*. 1997. Vol. 10. P. 247–272.

- Pickhan 2001 – *Pickhan G.* «Gegen den Strom». Der Allgemeine Jüdische Arbeiterbund („Bund”) in Polen 1918–1939. München, 2001.
- Pickhan 2017 – *Pickhan G.* Pod prąd. Powszechny Żydowski Związek Robotniczy Bund w Polsce w latach 1918–1939. Warszawa, 2017.
- Pruszyński 1943 – *Pruszyński K.* Dwaj ludzie // Nowa Polska. 1943.
- Pruszyński 1990 – *Pruszyński K.* Publicystyka. II. Warszawa, 1990.
- Rusiniak-Karwat 2016 – *Rusiniak-Karwat M.* Nowe życie na zgliszczach. Bund w Polsce w latach 1944–1949. Warszawa, 2016.
- Słownik 1978 – Słownik Biograficzny Polskich Działaczy Ruchu Robotniczego. Warszawa, 1978. T. I.
- Toczewski 2010 – *Toczewski A.* [Без названия]. Konflikty. pl. 20.08.2010.
- Беркович 2014 – *Беркович Е.* Жертвы двух диктатур. Дело Эрлиха – Альтера // Слово / Word. 04.12.2014. № 84 (<http://litbook.ru/article/7395/>).

Перевод В. Мочаловой

Prisoners Nos. 41 and 42. The Fates of Victor Alter and Henrik Erlich in Soviet Prison

Szymon Rudnicki (Warsaw, Poland)

Doctor of Historical Sciences, Professor emeritus, Institute of History, University of Warsaw

E-mail: s.rudnicki@uw.edu.pl

ID ORCID: 0000-0003-0321-7451

Abstract: The article about the leaders of the Bund in Poland – Viktor Alter and Henrik Erlich, based mainly on materials collected by Erlich’s son, Viktor Erlich, describes their fate in the USSR. Arrested and sentenced to death in 1941, they were released after signing the Sikorsky – Maisky Pact. They negotiated with representatives of the Soviet government to create a Jewish anti-fascist committee; December 3, 1941 they were again arrested in Kuibyshev. The article on the basis of the NKVD documents describes their stay in prison and the actions of state security agencies. Henrik Erlich committed suicide, and Victor Alter was executed without a sentence. Only after their death did the Soviet authorities publish a false argument for their arrest and second death penalty.

Keywords: Victor Alter, Henrik Erlich, Bund, NKVD, MFA of the USSR

DOI: 10.31168/2658-3364.2019.1.3.1